

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л33

Оформление обложки *Екатерины Поздняковой*

Иллюстрация на обложке *Сергея Февралева*

Лебедев, Игорь Геннадьевич.

Л33 **Метод римской комнаты / Игорь Лебедев.** — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с.

ISBN 978-5-04-100077-6

Завораживающий ретро-детектив идеально сохраняет и развивает традиции произведений Бориса Акунина о похождениях сыщика Фандорина.

Сыщик Ардов обладает уникальной памятью, и это качество позволяет ему мысленно возвращаться на место преступления, что в короткий срок делает молодого человека звездой криминального сыска конца XIX века.

«Метод римской комнаты» — известный с древних времен способ восстановления в памяти обстоятельств прошлого, которым мастерски владеет Илья Алексеевич Ардов. Окончив Цюрихский университет, он почему-то решает поступить на службу агентом сысчного отделения Спасской части Санкт-Петербурга. Чтобы иметь основания отказать неожиданному соискателю, пристав Троекрутов поручает Ардову раскрыть кражу шляпных булавок. Испытательный срок — три дня. Распутать преступление за отведенное время не под силу и опытному следователю, особенно если кто-то начинает убивать украденными булавками состоятельных господ...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100077-6
© Лебедев И.Г., 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Глава 1

СОИСКАТЕЛЬ

На набережной Фонтанки у выхода с Апраксина переулка мальчишка-оборванец жалостливо тянул босяцкую песенку, примостившись у наваленных горой вонючих бочек. Нежданная монетка, ударившая в жестянку, вынудила его отвлечься от созерцания свинцового питерского неба и посмотреть в спину щедрого прохожего. Это был господин двадцати с небольшим лет в дорогом, хоть и не новом костюме. В его облике можно было отметить ту степень небрежности, по которой легко угадывался человек, прошедший некоторое время за границей.

За прохожим тут же увязалась пара жиганов, но, сопроводив его до дома 91 на углу Горстكينой, они, сплюнув, отстали. Здесь располагалось полицейское управление третьего участка Спасской части, о чем сообщала табличка у входа. Часть эта имела славу самого неблагополучного района столицы из-за «Вяземской лавры» — целого квартала соединенных тайными

проходами доходных домов между Сенной площадью, Обуховским проспектом и набережной Фонтанки. Грабежи и поножовщина были тут делом самым обыденным. Кабаки, бани и притоны «лавры» кишели чернью, обсуждавшей за кружкой браги, где чего плохо лежит, воловеры¹ бахвалились добычей, а бывалые мазы² выслушивали доклады звонков³ после ашмалаша⁴ благопристойных петербуржцев, забредавших сюда в поисках дешевых наслаждений в Таировом переулке.

Неподалеку брехали собаки. Задержавшись перед дверью, молодой человек поежился, извлек из жилетного кармашка часы, открыл крышку и, даже не взглянув на время, приложил механизм к уху: послышалась изысканная мелодия. Потом он протянул руку и открыл было дверь, но внутрь пройти не успел, поскольку был бесцеремонно оттеснен медвежьего вида околоточным надзирателем с пышной рыжей бородой, сквозь которую проглядывала похожая на рубль серебряная медаль «За усердие» с профилем царя. Полицейский волок в участок упирающегося голодранца, сжимая в другой руке моток проволоки.

¹ Вор-хвостун (*блат.*).

² Авторитетный мошенник (*блат.*).

³ Малолетний ученик мошенника (*блат.*).

⁴ Незаметное ощупывание жертвы перед кражей (*блат.*).

— Не крал! Не крал, ваше благородие! — верещал голодранец. Он протянул свободную руку к молодому человеку, словно желал увлечь его за собой в качестве свидетеля, но околоточный с силой втокнул воришку внутрь.

В участке пахло потом, керосином и табаком. У приемного стола, огражденного захватанной деревянной балюстрадой, сгрудились просители, ожидавшие очереди. По лавкам дремали те, кому торопиться было некуда. За столом сидел пузатый полицейский чиновник Облаухов и потягивал чай из стакана в медном подстаканнике. Перед ним на листе с типографским заголовком «Протоколь» лежало яйцо, которое он неторопливо освобождал от скорлупы, выслушивая старичка, примостившегося рядом на краешке стула. Проходя мимо, околоточный бросил проволоку на стол Облаухову.

— На стройке, гнида, спер! В Мучном переулке.

— Мое почтение, Константин Эдуардович, — пискнул воришка, стараясь на ходу поклониться толстяку.

Завидев рыжебородого, дремавший у кутузки охранник подхватился и принялся возиться с замком.

— Свешников, зачем тебе проволока? — весело поинтересовался Облаухов, отодвигая вещественное доказательство на край стола. — Неужто обет взял? Решил вериги на себя возложить?

— Не брал! Константин Эдуардович, вот те крест — не брал! — задержанный попытался перекреститься левой рукой, потому что за правую его крепко держали. — Иду — она лежит.

— А чего ж бежал, гнида? — Околоточный толкнул воришку в кутузку, где на лавках уже дремала парочка начинающих марвихеров¹.

Попав за решетку, Свешников обрел чувство покоя и защищенности. Приняв полную достоинства позу, он с некоторой торжественностью ответил:

— Желая избежать всегдашнего с вашей стороны необоснованного насилия, господин квартальный надзиратель!

Смелый ответ остался без реакции. Свинцов сел за свободный стол, снял фуражку, промакнул платком начисто выбритую голову и придвинул к себе чернильный прибор.

— Управляющий придет, заявление сделает, — сказал он, ни к кому особо не обращаясь. — Рапорт сейчас составлю.

Облаухов вернулся к прерванной беседе с понурым старичком.

— Что ж вы, Лавр Семенович, такие ценные рукописи по пролеткам разбрасываете?

Старичок вернул на нос пенсне, которое все это время усердно тер платочком, и застенчиво улыбнулся:

¹ Карманник (*блат.*).

— Виноват, задремал...

— Могу я видеть господина пристава?

Вопрос молодого человека в заграничном костюме, сумевшего протиснуться к столу, прозвучал неуместно и даже дерзко. Оценив опытным взглядом важность просителя, Облаухов не нашел оснований для излишне учитивого обращения:

— Извольте обождать, — строго урезонил он несдержанного господина и вернулся к старичку, сделав сострадательное лицо: — А номер-то экипажа запомнили?

— В том-то и дело, что нет!

Несчастный искренне переживал неприятное происшествие и всем видом показывал, что признает за собой и непростительное легкомыслие, и даже в некотором смысле недопустимую безответственность, повлекшую самые нежелательные последствия. Обмакнув перо в чернила, Облаухов принялся писать в протоколе. Отсутствие четкой оценки произошедшего со стороны полицейского не позволяло старичку унять волнение.

— Умоляю, назначьте расследование! — взмолился он дрожащим голосом — Рукопись ценнейшая.

В этот момент за спинами посетителей раздался пронзительный поросячий визг. Все обернулись. Поросенок висел вверх ногами в руке вошедшего городского Пампушко и энергично брыкался. Другой рукой полицейский тащил за

шкирку мальчишку. Рядом причитала крестьянка. Выскользнув из собственных лохмотьев, малолетка попытался было улизнуть, но Пампушко бросил животину и навалился на верткого беспризорника.

— Сироту калечат! — привычным манером заголосил мальчишка.

Слетевшая с городского фуражка оказалась на поросенке, который с визгом устремился под лавку. Присутствующие бросились ловить ополоумевшее животное. Городовой достал свисток на металлической цепочке и принялся дуть что есть мочи.

— Кому дуешь, дура?! — крикнул Свинцов, вмиг перемахнул балюстрадку и, присев, расставил руки на пути поросенка. Тот вильнул в сторону, прошмыгнул меж ног хозяйки и сбил табуретку, на которой стоял бак с водой и кружкой на цепочке. Вода разлилась по полу. Неожиданно ловко из-за стола выпростался Облаухов и с криками «В угол! В угол гони шельму!» возглавил охоту.

Молодой человек, казалось, даже не заметил происшествия. Его взгляд устремился в дверной проем, за которым открывался следующий зал, где шныряли служащие в синих мундирах с папками в руках. На краешке одного из столов, утвердив ногу на стуле, сидел худой полицейский офицер с залезшими назад волосами в мундире с красными кантами и играл кистью-бочонком на черном темляке с двойной серебряной

строчкой по краям. По важному виду его вполне можно было принять за пристава участка. Господин строго поглядывал на разложенную перед ним шахматную доску, уставленную фигурами. Рядом совсем юный розовощекий письмоводитель держал деревянную рамку с двумя песочными часами. Сделав ход, офицер крутанул колбу — песок посыпался в обратную сторону. Соперник, приземистый господин с лысиной в потертом сюртуке, крикнул и почесал затылок.

Благодаря поросенку путь в зал был свободен. Не встретив препятствий, посетитель подошел к столу и протянул прошение, зацепив при этом шахматную доску. Фигуры разлетелись.

— Вы с ума сошли, милейший? — вскочил офицер, устремив на виновного полный негодования взгляд. — Что вы здесь, как слон, ей-богу, в посудной лавке!

— Простите, я сейчас поправлю, — пробормотал молодой человек.

— Что, что вы поправите? — кипятился худой господин. — Мы здесь полпартии уже сыграли, если вы не заметили.

Между тем неожиданное заявление незнакомца вызвало интерес присутствующих. На него обратились любопытствующие взоры.

— Я заметил.

С этими словами молодой человек принялся собирать и расставлять на доске фигуры. Сло-

жив руки на груди, офицер оглядел коллег, подтянувшихся к столу.

— Первый раз вижу человека, который так целенаправленно движется к собственному позору. Извольте, поправляйте.

К немалому удивлению собравшихся, через полминуты позиции на доске были почти восстановлены. Время от времени молодой человек на мгновение замирал и смотрел перед собой, словно нужное расположение фигур было запечатлено в воздухе невидимым образом. Подоспевший Облаухов хотел было отчитать своего посетителя, но осекся, получив знак не вмешиваться.

Тем временем последняя фигура — белый ферзь — заняла свое место. Завершив расстановку, молодой человек взглянул на господина с лысиной:

— Сейчас ваш ход, не так ли?

Тот икнул и неуверенно посмотрел на соперника. Не дожидаясь ответа, странный господин переставил черного коня.

— Шах и мат, — молвил он самому себе.

Потом поднял голову и обернулся к строгому офицеру с детской улыбкой:

— Вы проиграли, ваше благородие.

Только после этих слов общее оцепенение спало, послышались возгласы удивления и восторга. Победитель принялся с чувством трясти руку, только что сделавшую решающий ход.

— Ну, вы даете... Признаться, позиция не казалась мне выигрышной... Как вы так разглядели, господин...

— Ардов, — представился молодой человек. — Илья Алексеевич.

— А я Шептульский, филер. Это Андрей Андреевич Спасский, — кивнул он в сторону розовощекого письмоводителя с песочными часами. — В некотором смысле тезка нашей части... А это вот — позвольте представить — господин фон Штайндлер, Оскар Вильгельмович, — указал он на тощего чиновника. — Старший помощник пристава.

— Ардов? — переспросил чей-то голос.

Присутствующие вмиг вытянулись и замолчали. Ардов обернулся. Перед ним стоял корпулентный господин майор с пышными седоватыми усами, а также рядом наград на груди, включая орден Льва и Солнца от шаха персидского. Сомнений быть не могло: хозяином третьего отделения Спасской части был именно он — пристав Троекрутов Евсей Макарович. Он уже некоторое время наблюдал сцену и слышал, как посетитель представился. По нахмуренным бровям можно было подумать, что пристав силится вспомнить, откуда ему знакома эта фамилия.

— Совершенно верно, — Ардов протянул листок бумаги. — У меня прошение. Я хотел бы заступить агентом по сыскному делу.

Еще не понимая, что все это значит, Трое-

крутов на всякий случай принял бумагу, бросив быстрый взгляд на фон Штайндлера.

— Что? Каким еще агентом? — пробормотал он и сделал вид, будто углубился в чтение.

— Не представляется возможным! — поспешно объявил старший помощник. — Это место занято.

— Вот как? — удивился Ардов. — А я слышал, что прошлый агент трагически скончался и сейчас это место вакантно.

— Может, оно и вакантно, — осторожно согласился пристав, — но с чего вы взяли, что...

В этот момент из кутузки донесся крик задержанного:

— Евсей Макарыч, отпусти! По наговору сцапали, не виновен!..

— Что ж за день-то такой...

Троекрутов попытался сделать вид, будто ужас до чего раздражен бедламом в участке, и вернул прошение.

— Виноват, господин Ардов. Не имею такой возможности. — Пристав развернулся было идти к своему кабинету.

— Но ведь у вас вакансия, — не отступал Ардов.

— Что же, что вакансия?

Обернувшись, Троекрутов пожал плечами. В поисках поддержки он опять посмотрел на старшего помощника. Тот мгновенно возник перед просителем, грудью защищая начальника:

— Для этой должности, господин Ардов, необходимо соответствующее образование.

— Да, — пристав выглянул из-за плеча фон Штайндлера. — У вас как с образованием?

Ардов извлек из внутреннего кармана аттестат.

— Вот. Цюрихский университет. Юридическое отделение.

Чиновники переглянулись — дело принимало щекотливый оборот: не каждый день в третий участок Спасской части приходили выпускники Цюрихского университета. Да что там, никогда не приходили!

— Неплохо... — неуверенно произнес пристав.

— Хотя у нас тут, знаете ли, свои особенности, — на всякий случай уточнил фон Штайндлер.

Приставу предстояло принять единственно верное решение, а каково оно — пока оставалось неясным. Пришлось Евсею Макаровичу пригласить молодого человека к себе в кабинет для детальных расспросов. Чины полиции отправились по рабочим местам, а к фон Штайндлеру тут же поднырнул филер Шептульский:

— Виноват, Оскар Вильгельмович. Партия выиграна, не изволите расплатиться?

Скорчив козью морду, фон Штайндлер протянул рубль.

В кабинете Троекрутов долго пил воду из стакана, разглядывая Ардова.

